

**Алексей
КОНДРАТЕНКО,**
кандидат политических наук

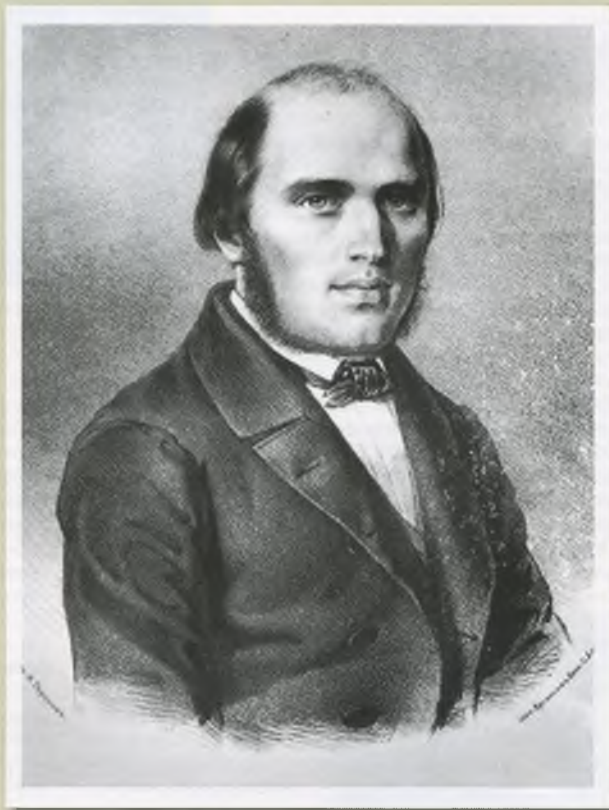
ОРЛОВСКИЙ УРОЖЕНЕЦ

Дед Тимофея Грановского пришёл в Орёл неведомо откуда с единственной в кармане серебряной монетой в 15 копеек. Пришёл совсем как Остап Бендер, полный честолюбивых замыслов и любви к жизни. Он не случайно шагнул именно в Орёл. Хлебный город на Оке монаршей волей получил статус губернского, и теперь всякий деловой человек тянулся сюда в расчёте добиться успеха, сделать карьеру и найти достаток.

Тимофей Ефимович, войдя в круговорот орловской жизни, сумел найти доходное место: он был умелым ходатаем в судах по гражданским делам и, дослужившись до чина коллежского асессора (что в табели о рангах соответствовало званию майора), сделал немалое состояние, построил добротный дом в центре города, купил имение Погорелец с двумя сотнями крепостных неподалёку от Орла.

Едва внук подрос, дед забрал его к себе. Старик и малыш были неразлучны. Именно в дедовских апартаментах мальчик по расклеенным на стене страницам газет учился читать... Однако здоровье деда пошатнулось, началось умственное расстройство. Старик принялся за составление грандиозного проекта преобразования судебных учреждений в России — сей документ долго ходил по рукам, его признавали дельным, умным, хотя и не лишённым странностей. Вдобавок к этому старший Грановский, с таким упорством выбившийся в элиту, начал выносить грозные вердикты касательно большинства представителей тогдашней орловской бюрократии: такого-то чиновника сослать, такого-то высечь...

Примечательно, что не только сумасброднему старику могли прийти в голову такие мысли. Вспомним, что Александр I создал в 1819 году несколько наместничеств. Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии оказались под властью одного генерал-губернатора, которым стал бывший министр полиции А.Д. Балашев (Балашов). Поездив по губерниям и изучив реальное положение дел, А.Д. Балашев направил Александру весьма мрачный отчёт, датированный маем 1820 года: «Отческое сердце ваше, государь, содрогнётся при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний... Не только воровство в городах, не только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки и потом скрывались: смертоубийства производились заговорами, и убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних

к первым поколеблено и ослушаний тьма. Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счёта, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников отчаянное множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалованье чиновников и канцелярских служителей почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможи. Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы короны основаны на винной продаже!

Всемиловнейший государь! Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве вашем расслабло! Все части идут раздельно, одна другой ход затрудняя, и едва ли которая подаётся вперёд: единственное на сей раз средство есть усилить местные управления; вы сие и предлагали. Докажите, государь, намерение ваше!»

Городские обыватели в Орле в ту пору

запросто выезжали «на большие дороги для разбоя и в поле для кражи лошадей». Несмотря на самые жестокие и бесчеловечные наказания, в городе находили для себя благодатную почву и жульничество, и самое откровенное распутство. Довершая самобытную картину извечного уклада местной жизни, по улицам Орла бродили свиньи и коровы. Новый губернатор Николай Шредер принялся мостить мостовые и делать тротуары, запретив выгул скота. Был заложен городской сад. В Орле в эти годы начинается издание книг, открывается духовная семинария, сюда после десятилетнего проволочек переезжает из Севска архиерей.

Тима был худ, бледен, задумчив, особенно после смерти деда, когда внуку едва минуло девять лет. Душа мальчика не знала покоя. Игры в индейцев, петушиные бои, строительство и штурм крепостей, ловля голубей — словом, всё самое рискованное казалось ему самым интересным... Матери потребовалось немало сил, чтобы направить энергию сына в более-менее спокойное русло. В то время в Орле были только две приличные библиотеки — у Каменских и у Пушкарёвых. Мать платила их слугам за каждую принесённую тайком книгу.

Юный Грановский не почтил своим присутствием губернскую гимназию: ныне мы не видим его имени на мемориальной доске у входа в здание. Академическая наука в то время вообще была не в особой чести у орловских обывателей. В 20-е годы XIX века в городе насчитывалось до двадцати частных школ на 10–15 учеников в каждой. Учили здесь чтению, письму, Закону Божьему и основам арифметики. Потом были два года в Московском пансионе Кистера. Два странных года, когда необычные способности Грановского уже стали заметны окружающим, но когда он так ещё и не прикоснулся к настоящей науке.

После пансиона пятнадцатилетний Грановский приехал домой на каникулы. Но дома, похоже, никого не интересовали его успехи или неуспехи. Тем более отцу было недосуг платить за его дальнейшее обучение. И каникулы растянулись на целых три года. На этот период в жизни Грановского биографы обычно не обращают особого внимания. Пишут просто: окончив частный пансион, поступил в Петербургский университет на философско-юридический факультет. А всё же чем были эти три орловских года в его судьбе? Чем занимался юный недоросль Грановский столь долгое время? Большой частью охотой — излазил с ружьём и собакой окрестности Погорельца. Однажды зимой он нашёл в доме учеб-

ник геометрии и проштудировал его от безделья. А в Орле не пропускал ни одного бала, возвращаясь домой под утро.

Юная мадемуазель Герито (гувернантка сестёр Грановского), его собственные наставники — выпускник Нежинского лицея Колышкевич и обрусевший француз Жюнье — вот круг общения юного Грановского в те три года. С Герито он переписывался, поверяя ей многое открывавшееся его юному взгляду. Француз рассказывал ему о Европе и Великой французской революции. А Колышкевич рассуждал о том, какой может стать в скором будущем Россия. Похоже, именно тогда в сознание Грановского было заронено что-то не совсем обычное для сонма пустых идей и идеек, витавших в кругу провинциального дворянства.

Уезжал в начале 1831 года Грановский в Петербург с лёгкой душой: манило новое, другое, незнакомое. Верно выразил подобное чувство в своём стихотворении ровесник Грановского Николай Огарёв, судьба которого удивительно похожа — тот же помещичий быт, семейный деспотизм, смерть близких...

*Вся скука городская
Приходит мне на ум,
И как гнетёт здесь душу
Забот вседневных шум.
Скорей! насквозь чрез город,
Ямщик, скачи же ты:
Там — снова бесконечность
И вольный мир мечты.*

Однако на поверку столичное житьё оказывалось далеко не таким безмятежным, как виделось из черноземной глуши. В Петербурге юного провинциала Грановского ждала беда — через считанные дни после его приезда умерла тётюшка, у которой он поселился. С помощью приятеля Грановский всё же устроился в министерство иностранных дел. А через пять месяцев написал письмо домой: просил разрешения у родителей поступить в университет. Отец был против,

но мать поддержала сына. Он начал готовиться к учёбе («Мы судорожно рвались на свет» — так будет написано им на закате дней). В июле мать умерла...

Денег не было, жить было не на что. Гришка — привезённый из Орла слуга — настольно «освоился» в столице, что носил барское бельё и платье, не стесняясь, таскал последние гроши и пьянствовал. Грановский, выйдя из себя, отослал его домой. Экономил, перебиваясь с хлеба на воду, тем, что в пансионе обычно отказывался от обеда, будто бы уже получил приглашение на обед к знакомым.

Годы учёбы до предела обострили отношения с отцом. Николай Тимофеевич, после смерти жены забросивший имение и вообще всякое хозяйствование, посылал сыну мизерные суммы, да и те весьма редко. Дом — во всех его значениях — разрушался. Отец просиживал дни напролёт за карточным столом и заставлял дочерей вечерами и даже ночами вести с ним игру... А в минуту нахлынувшей доброты начинал подыскивать им женихов из местных щёголей...

Грановскому долго не удавалось собрать несколько рублей на покупку очков: нужда и чрезмерные занятия (у него вошло в привычку работать с книгами по ночам, при тусклом свете) уже стали сказываться на здоровье. Он был на грани истощения, писал: «Я вижу столько глупых плутов, достигших высокого положения, что часто у меня появляется желание или сделаться негодяем, или застрелиться». Даже роман с юной орловчанкой Надеждой Ананьевской (Грановский вынужден был на время расстаться с ней — отправился на стажировку в Германию) был омрачён интригами общей знакомой Марии Спициной, которая взяла на себя роль доверенной посредницы в переписке, но, скучая в глуши, принялась забавляться тем, что настраивала их друг против друга. Переписка оборвалась, наступили годы отчуждения...

Единственным спасением в то время могла быть дружба — искренняя, бескорыстная. И такой человек появился в судьбе Грановского — это был Николай Станкевич. Требование всегда беречь своё человеческое достоинство пронизывало жизнь Станкевича, его творчество и искания... Симптоматичны строки Станкевича, обращённые к приехавшему в Германию Грановскому: «Любезный Николай Тимофеевич!.. Ты в Берлине! Ты достиг цели своего странствия! Я воображаю, как сжалось твоё сердце, когда ты увидел этот немецкий город, на который каждый из нас возложил свою надежду!.. Надеюсь, ты напишешь мне о всех чудачках, от которых мы ждём себе душевного возрождения».

В столице Пруссии Грановский слушал лекции известнейших германских учёных: философа Э. Ганса, историка Л. Ранке, географа К. Риттера, юриста Ф. К. Савиньи, работал в архивах Берлина и Вены, посещал Дрезден и Прагу, пешком путешествовал по югу Германии. Упорные занятия плохо сказались на здоровье Грановского. Весной 1839 года он лечился

от чахотки на курорте в Зальцбурге, но, не окончив курс лечения, вынужден был вернуться в Россию. Без отдыха проскакал от Варшавы до Погорельца, чтобы хотя бы месяц побыть дома...

Годы учёбы в Германии дали новое направление взглядам Грановского. Вернувшийся в Москву 36-летний историк предстал студентам толстым человеком с грузной походкой, одышкой и огромной лысиной. Но его внешность мало интересовала младую когорту учеников. Лекции нового преподавателя неизменно вызывали восторг аудитории. «Почти что божество» — таким было их восприятие кумира. Вспоминавший об этом в своих мемуарах Чичерин подчёркивал: «Никто не умел говорить таким благородным языком, как Грановский... Это не было красноречие, быющее ключом и своим пылом увлекающее слушателей. Речь была тихая и сдержанная, но свободная, а с тем вместе удивительно изящная, всегда проникнутая чувством, способная пленять своею формою и своим содержанием затрагивать самые глубокие струны человеческой души».

Молодая профессура Московского университета формировала особое течение русской мысли, которое получило название «западничества». В чём же заключалась суть противоречий «лишних людей» и их сурового отечества?.. Неустроенные в жизни, они не могли применить свои силы, не могли оставаться в той среде, где прошли их детские и юношеские годы. Они «выпали из гнезда» и в отчаянии искали приюта и милосердия, осыпая укоризнами своё отечество, для которого оказались чужими. Грановский олицетворял новую родину — родину духовную, интеллектуальную — для нарождавшейся русской интеллигенции, которой так неуютно было в отказавшейся от модернизации на европейский лад России. Причём и сам Грановский обрёл в своих единомышленниках новую родину. Город детства и юности Орёл, сильно изменивший свой облик после грандиозного пожара 1848 года, вызывал у Грановского странное чувство. Историк признавался: «Все эти улицы, все дома, даже все эти лица напоминают мне иное время, которое я желал бы забыть... Не знаю, право, как создано моё сердце, но оно не забывает никогда ничего... Я помню дни и печали моего детства, как будто оно миновало только вчера... И ещё одно признание: «... И сколько тяжёлых воспоминаний вызывают эти улицы. Отрадных почти нет».

В условиях крайнего консерватизма власти, безоговорочного господства триады «Самодержавие, православие, народность» Белинский, Грановский и Герцен стали создателями мощнейшей антитезы — именно надежда на кардинальный взрыв, который единственный может разрушить ненавистное бытие, стала определяющей в убеждениях многих и многих поколений российских интеллигентов. Отсюда, кстати, истоки нигилизма и массы других специфических явлений нашей истории. Причём эта позиция интеллигенции объективно стимулировала консервативный настрой власти, её нежелание идти на реформы, на построение гражданского общества. Так было в веке XIX, в XX... Будет ли взаимно полезным диалог в современной России? Ответ на этот вопрос мы увидим воочию.

